

Т е м а н о м е р а Немонетарные неравенства в ж и з н и р о с с и я н

Пространство проблем россиян и зоны риска для социальной стабильности

Лежнина Юлия Павловна –

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, доцент,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», старший научный
сотрудник Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: lezhnina@list.ru

Пространство проблем россиян и зоны риска для социальной стабильности

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.538

Аннотация. На данных репрезентативных мониторинговых общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН 2014–18 гг. приводится анализ¹ основных проблем, с которыми сталкивается российское население, и их динамики. Показано, что в посткризисный период не происходит положительных перемен в материальном положении населения, а к его финансовым проблемам добавляются депривации, связанные со здоровьем и сферой здравоохранения. Практики улучшения материального положения у россиян уже наработаны, хотя и не имеют долгосрочной ориентации, а проблемы в вопросах здоровья и его охраны – реальность, которую они только начинают осознавать. Продемонстрировано, что на этом фоне формируются определённые «зоны риска» для социальной стабильности, обусловленные как неспособностью отдельных групп россиян ответить на вызовы общероссийских кризисных явлений, так и нерешённостью локальных институциональных проблем. В них одновременно концентрируются ситуация низкого материального благополучия и социально-психологического напряжения. При этом в посткризисные годы происходит стабилизация «зон риска», что ещё больше обостряет потребность у её представителей в государственной поддержке. Основой кристаллизации «зон риска» выступают структурные позиции неквалифицированных работников, легко заменимых либо другими сотрудниками, либо автоматизацией производственных процессов, что позволяет впоследствии считать именно эти категории основой формирования структурных позиций «родовой рабочей силы» [Кастельс 2000] в России. Также в зоне особенного риска оказывается пожилое население. Территориальные модели формирования «зон риска» и «зон стабильности» (россияне без материальных проблем и не имеющие необходимости улучшать своё материальное положение тем или иным способом) как противоположности носят дифференцированный характер, включая поляризацию населения по этим группам, интенсификацию формирования полюсов, разрастание «промежуточной зоны» и др. Особенно тревожной видится ситуация в Нижегородской области и Приморском крае.

Ключевые слова: социальная напряжённость, социальные проблемы, социальная политика, территориальная неоднородность, уровень жизни

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00218) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Социальная стабильность в обществе в значительной степени определяется положением населения на микроуровне: наличием и остротой тех или иных проблем и доступом к ресурсам для их решения, отношением к государству и его позиции по нормализации жизненных ситуаций граждан. При этом, хотя индивидуальные ситуации в заметной степени зависят от общей обстановки на макроуровне [Осенний кризис... 1998; Российская повседневность... 2009], на пространстве России они традиционно очень дифференцированы. В этой связи особую значимость для социальной политики имеет отслеживание «очагов беспокойства», которые могут стать точками локализации социального напряжения. Актуальность этого вопроса возрастает в кризисные моменты, когда ресурсы населения становятся крайне ограниченными и быстро истощаются. Однако для социальной политики не менее сложными являются и посткризисные периоды, т. к. ожидания от государства в это время возрастают, и от властей требуется пристальное внимание к социальным проблемам населения. Так в каком же «проблемном» контексте и с какими локальными рисками начинается новый президентский срок В. В. Путина?

К 2018 г. общественная реакция на экономический кризис 2014–15 гг. уже перестала быть острой и явной. Россияне отчасти адаптировались, отчасти смирились с его результатами. Однако это не означает, что все последствия данного периода были осознаны¹, а ресурсный потенциал общества приведён в состояние равновесия. Более того, видимое спокойствие тем и опасно, что реакция на последующие вызовы и шоки в силу «усталости материала» непредсказуема.

Как показывают результаты мониторинговых замеров², основное беспокойство населения в кризисный и посткризисный периоды вызывало изменение материального положения. В целом доля населения, которое считало, что живёт нормально и не сталкивалось с серьёзными проблемами и во время кризиса, и после него, сокращалась: если в 2014 г. она составляла 26%, то в 2015 – уже 20%, а к 2018 г. снизилась до 17%. Эта динамика вызвана в первую очередь ростом доли отмечающих наличие у себя материальных проблем: с 24% в 2014 г. этот показатель вырос в 2015 г. до 36% и 40 – в 2018 г. (см. рис. 1).

¹ Подробнее о протекании социально-экономических процессов в этот период см. серию книг, подготовленных по результатам мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданных при финансовой поддержке РФФИ, начиная с [Российское общество... 2015].

² Здесь и далее в статье, если не оговорено иное, использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (8-я волна, проведённая в апреле 2018 г.). Выборка составляла 4000 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше по основным социально-демографическим показателям. Подробнее о выборке этого исследования см. [Российское общество... 2015].

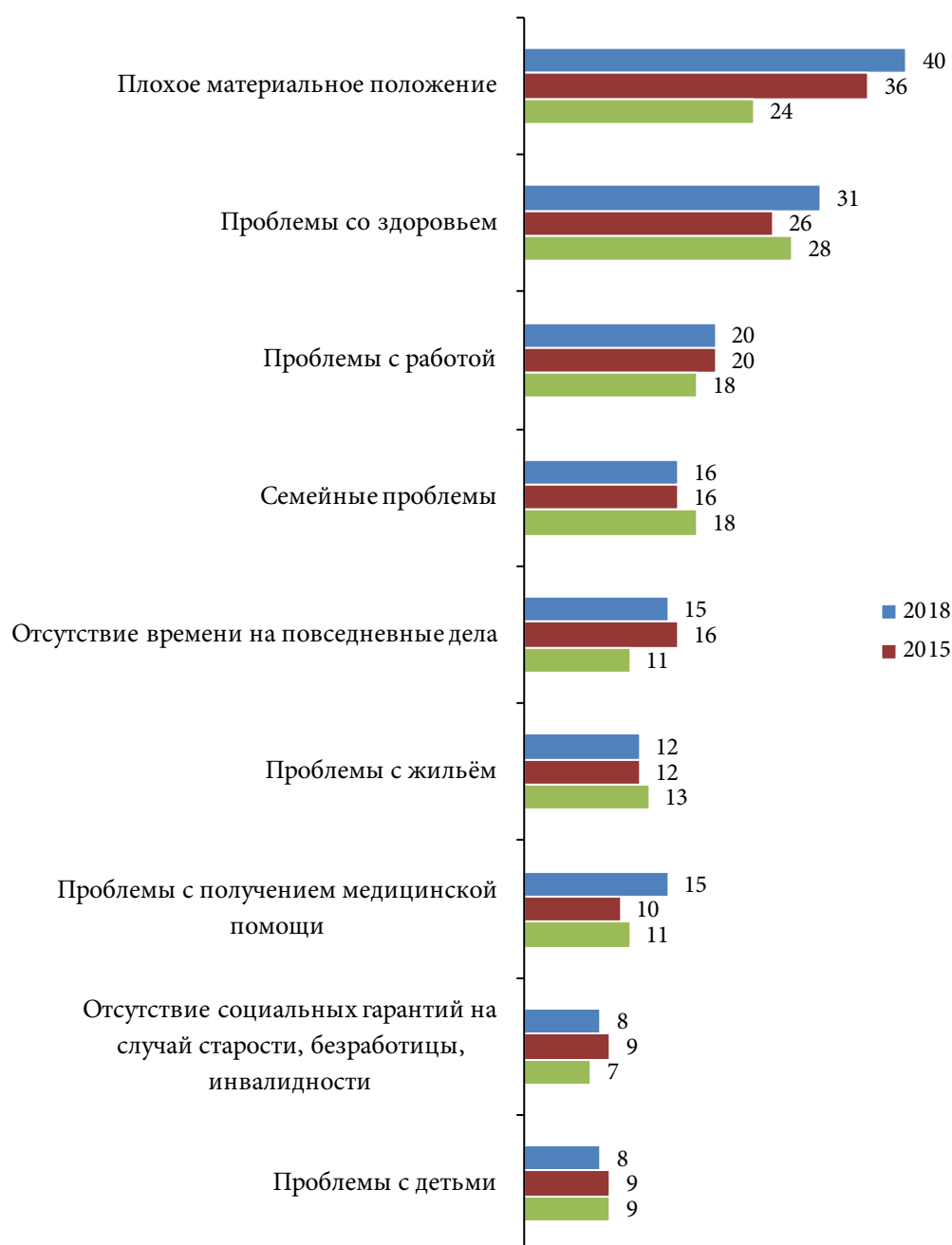

Рис. 1. Основные проблемы, волнующие россиян в их личной жизни, 2014–18 гг., ФНИСЦ РАН, % (допускалось до 3-х ответов)¹

Следующими по распространённости в 2018 г., как в 2014 и 2015 гг., являются проблемы со здоровьем. При этом данный показатель за последние три года заметно увеличился на общем фоне, как и доля тех, кто говорит о проблемах с получением необходимой медицинской помощи (увеличение с 10–11% в 2014–15 гг. до 15% в 2018 г.). Таким образом,

¹ Помимо обозначенных на рисунке, фиксировались такие проблемы, как невозможность общения с друзьями и/или родственниками, плохое питание, одиночество, вредные привычки у кого-то из членов семьи, отсутствие внимания со стороны других, незащищённость от насилия, проблемы с одеждой и обувью, с изменением общественного положения, с возможностью получения необходимого образования; однако эти проблемы отмечали не более 5% респондентов в указанные годы. Здесь и далее данные 2014 г. приведены согласно исследованию ИС РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя», подробнее см.: [Средний класс... 2014].

кризисный и посткризисный периоды в оценках населения связаны с истощением не только финансовых ресурсов, но и ухудшением состояния здоровья.

Недаром, оценивая динамику в различных сферах жизни за последние пять лет (см. таблицу 1), наиболее негативно россияне видят ситуацию, связанную с уровнем жизни и проблемами в сфере здравоохранения (наряду с изменением международного положения страны, что связано с чередой экономических процессов, инициированных ситуацией санкций со стороны западных стран и российских антисанкций).

Таблица 1

Оценка изменения положения дел в различных сферах жизни за последние пять лет, 2018 г., ФНИСЦ РАН, %

Сферы	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось
Международное положение страны	18,9	31,6	49,5
Уровень жизни населения	14,8	36,4	48,8
Здравоохранение	10,5	42,4	47,1
Моральное состояние общества	14,2	45,0	40,8
Возможность зарабатывать	16,4	47,0	36,7
Социальная справедливость	8,9	56,3	34,8
Состояние экономики страны в целом	26,0	39,6	34,4
Пенсионное обеспечение	14,2	53,6	32,2
Жилищная ситуация	15,4	53,6	31,0
Высшее образование	14,2	59,1	26,7
Борьба с коррупцией, законность и правопорядок	22,8	50,6	26,6
Среднее образование	15,0	59,8	25,2
Уровень межнациональной напряжённости	16,2	60,3	23,5
Ситуация в области прав и свобод, развитие демократии	15,5	63,5	21,1
Дошкольные детские учреждения	29,2	54,2	16,6
Борьба с терроризмом	47,4	40,9	11,8

Также более трети россиян говорят об ухудшении состояния экономики страны в целом (34%) и возможности зарабатывать (37%), а также в социальной справедливости (35%) и моральном состоянии общества (41%). Вкупе эти показатели являются индикатором того, что вопросы экономического неблагополучия и справедливости неравенств не просто в очередной раз становятся болезненными для населения, но образуют потенциально опасную точку «общественного беспокойства». При этом оценки динамики уровня жизни населения более чем в половине случаев (56–63%) у отдельных людей совпадают с оценкой изменений в российской экономике в целом.

Кризисный и посткризисный периоды в оценках населения связаны с истощением не только финансовых ресурсов, но и с ухудшением состояния здоровья.

Следовательно, хотя низкий уровень благосостояния россияне и объясняют общей ситуацией в стране, ухудшение этой динамики, а также ситуации с социальной справедливостью способны стать триггером негативных социальных реакций.

За годы трансформаций и экономической нестабильности россияне уже накопили определённый багаж практик по улучшению собственного материального положения, используемых ими постоянно. Около четверти (23%) россиян традиционно (см. таблицу 2) выращивают некоторые сельхозпродукты для собственного потребления, 43% населения интенсифицируют свою занятость (подрабатывают, работают сверхурочно или по совместительству), 17% прибегают к таким иждивенческим практикам, как заём денег и помощь со стороны родственников, друзей, знакомых. В целом же активные практики, в первую очередь опосредованные через рынок труда, составляют основу деятельности россиян в вопросе улучшения собственного материального положения.

Таблица 2

Практики улучшения материального положения, используемые россиянами, 2009–15 гг., % (допускалось 3 варианта ответов)¹

Практики	2009	2014	2015	2018
Обеспечивают себя сами некоторыми продуктами питания	27	20	26	23
Используют любую возможность разовых и временных приработков	27	24	23	26
Работают сверхурочно или по совместительству на основном месте работы	18	22	17	16
Получают помощь со стороны родственников, друзей, знакомых	6	11	10	10
Вынуждены занимать деньги	8	7	9	9
Работают по совместительству в нескольких местах на постоянной основе	13	12	7	10
Торгуют выращенными продуктами	9	5	6	4
Сдают в наём жилье, гараж, дачу, автомобиль, используют проценты от сбережений	2	3	3	3
Распродают кое-что из имущества	1	2	2	1
Переквалифицируются для смены работы	3	3	2	3
Готовятся уехать за рубеж	0	0	0	1
Ничего не предпринимают, так как в этом нет необходимости	13	16	15	17
Ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать для улучшения своего положения	22	21	21	20

¹ Данные 2009 г. приведены согласно исследованию ИС РАН «Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов», подробнее см. [Российская повседневность... 2009].

Стоит отметить, что 20% населения ничего не предпринимают для улучшения своего материального положения, т. к. ничего не могут для этого сделать, и только 17% не нуждаются в таких действиях.

Таким образом, *основной проблемой, которая беспокоит население страны, является ухудшение экономического благополучия, которому сопутствуют депривации, связанные со здоровьем и системой здравоохранения.* И если со снижением уровня жизни россиянам время от времени приходилось сталкиваться за последние 30 лет и некоторые практики реакции на него уже наработаны, то турбулентность в вопросах здоровья и его охраны – реальность, которую они только начинают осознавать, а соответственно пока и не имеют опыта ответных действий на неё.

Реже с материальными проблемами сталкиваются жители мегаполисов (33%, в то время как для остальных населённых пунктов этот показатель равен 39–42%). Крупные города предоставляют наилучшие возможности для обеспечения относительно высокого уровня жизни в первую очередь за счёт развитости своих рынков труда и возможностей занятости на них. Также в число россиян с наименьшими финансовыми сложностями попадают лица предпенсионного возраста, 51–60 лет (35% при 39–42% для остальных возрастных групп), когда накопленные финансовые ресурсы достигают максимума. Чаше экономические трудности распространены в среде работников нефизического труда (45%) и рабочих с разрядом ниже пятого (51%), что свидетельствует об их относительно депривированном положении на рынке труда. При этом для последних наличие этого типа проблем становится скорее правилом, чем исключением.

Проблемы со здоровьем у россиян, как и у людей во всём мире, чаще возникают с возрастом. Для молодёжи до 30 лет соответствующий показатель равен 16%, для 41–50 летних он превышает четверть (27%), в 51–60 лет – уже выше трети (40%), а после 60 лет становится «нормой» (60%). Состояние здоровья населения сегодня не является результатом проблем последних лет, но настораживает то, что при наличии проблем со здоровьем люди ещё сталкиваются и со сложностями получения необходимой медицинской помощи, их доля достигает 22%. Однако этот показатель относительно низок в силу того, что уже привычной стала практика решения проблем со здоровьем посредством платных услуг: ими пользовались 59% столкнувшихся с соответствующими обстоятельствами. При ухудшении материального положения возрастают ограничения в решении медицинских проблем через коммерческие услуги. Более половины (59%) прибегших к платным социальным услугам за последние три года перед опросом были вынуждены это сделать в связи с отсутствием или недоступностью их бесплатных аналогов.

Россияне уже накопили определённый багаж практик по улучшению собственного материального положения, используемых ими постоянно. 20% населения ничего не предпринимают для улучшения своего материального положения, т. к. ничего не могут для этого сделать, и только 17% не нуждаются в таких действиях.

Более половины (59%) прибегших к платным социальным услугам за последние три года перед опросом были вынуждены это сделать в связи с отсутствием или недоступностью их бесплатных аналогов.

Стоит отметить, что плохое материальное положение зачастую становится причиной неблагоприятного психологического состояния населения. Респонденты этого проблемного круга своими повседневными эмоциями называют тревожность (29%) или раздражительность, озлобленность и даже агрессивность (12%). Вкупе с апатией, которая свойственна 15% россиян с плохим материальным положением, их доминирующим состоянием становится негативное мироощущение (56%). И даже те, кто испытывают проблемы с жильём, сталкивались с таким спектром эмоций несколько реже (см. таблицу 3). Таким образом, именно обострение проблем материальной обеспеченности населения, формируя определённые «зоны риска» для социальной стабильности в стране, может становиться триггером для общественных волнений.

Таблица 3

Повседневное эмоционально-психологическое состояние, преобладающее у населения страны, в оценках россиян с разными типами проблем, 2018 г., ФНИСЦ РАН, %¹

Проблемы	Состояние					
	Своё			Своего окружения		
	Апатия	Тревожность	Раздраженность, озлобленность или агрессивность	Апатия	Тревожность	Раздраженность, озлобленность или агрессивность
Плохое материальное положение	15	29	12	21	27	21
Проблемы со здоровьем	14	27	6	17	25	18
Семейные проблемы	15	22	9	22	19	19
Отсутствие времени на повседневные дела	9	17	6	15	20	15
Проблемы с жильём	14	27	11	19	27	19
Проблемы с получением медицинской помощи	12	27	6	20	20	20
Отсутствие социальных гарантий на случай старости, инвалидности, безработицы	11	27	7	21	26	20
Проблемы с детьми	18	24	4	20	18	21
<i>Нет серьёзных проблем</i>	6	5	3	15	10	9

¹ В таблице представлены только отрицательные состояния, но в рамках исследования учитывались и другие настроения: эмоциональная приподнятость; спокойствие, уравновешенность; безразличие, апатия. В число представленных проблем входят только те, с которыми сталкивались не менее 5% россиян.

В этой связи особенно важно понимать, где, наряду с проблемами, локализуется негативный социально-психологический настрой населения. Так, 13% населения не только сталкиваются с проблемами экономического характера (ощущают ухудшение материального положения за последний год, плохо его оценивают и/или сталкиваются с блоком проблем из числа материальных трудностей, включая проблемы с жильём, питанием, одеждой и обувью), но и не видят возможностей их решить. Эту группу, оказывающуюся в итоге в состоянии фрустрации, условно можно назвать «зоной риска»¹. В кризисный 2015 г. её численность составляла 15%, а значит наличие и размер этой группы уже вошли в свою «хроническую фазу». Обратный полюс, своеобразная «зона стабильности»², по численности незначительно, но превышает «зону риска» – 17%, хотя в 2015 г. соотношение этих групп было обратным (15 и 12% соответственно).

Представители «зоны риска» заметно более пессимистично оценивают изменение положения дел в различных сферах жизни российского общества за последние пять лет по сравнению с представителями «зоны стабильности» и остальным населением. Они в 3–9 раз чаще дают негативную оценку динамики в разных сферах жизни, в том числе в отношении уровня жизни населения (63 и 7% соответственно), социальной справедливости (44 и 5%), возможностей зарабатывать (49 и 9%), состояния экономики страны в целом (45 и 14%), а также морального состояния общества (48 и 9% соответственно). Стоит заметить, что для представителей «зоны стабильности» показатели положительной и отрицательной оценки в этих сферах не только сопоставимы, но и порой имеют обратное соотношение по сравнению с «зоной риска». Так, ситуация в экономике в целом, по их мнению, скорее улучшилась (39%), чем ухудшилась (23%), как и возможность зарабатывать (28 и 21% соответственно). В оценках же динамики в таких сферах, как уровень жизни населения (32 и 25%), социальная справедливость (24 и 17%), а также моральное состояние общества (28 и 21%) доминируют негативные оценки, но они превышают позитивные менее чем в 1,5 раза.

Россияне, которые при наличии материальных проблем разного характера не видят возможностей их решать, не просто испытывают негативные эмоции чаще остальных,

¹ К «зоне риска» отнесены респонденты, которые, во-первых, так или иначе сталкиваются с плохим материальным положением или его ухудшением, а именно: говорят, что их материальное положение за последний год ухудшилось и/или дают ему оценку «Плохо», сталкивались за последний год с проблемами с жильём и/или питанием, одеждой и обувью; во-вторых, отмечают, что ничего не предпринимают для улучшения своего материального положения, т. к. ничего не могут изменить.

² К «зоне стабильности» отнесены респонденты, которые, во-первых, не сталкивались за последний год с такими проблемами, как плохое материальное положение и/или проблемы с жильём, питанием, одеждой и обувью; во-вторых, говорят, что ничего не делают для улучшения своего материального положения, т. к. в этом нет необходимости.

они ещё и перестают доверять окружающему миру, в том числе институтам власти и государственного регулирования. В этом вопросе на общем фоне скорее отличаются представители «зоны стабильности», которые заметно лояльнее относятся к президенту, правительству, руководителю региона. Для них доверие этим институтам даже становится нормой, которой придерживаются более половины группы (см. таблицу 4). Для представителей «зоны риска», как и для остальных россиян, доверием пользуется только президент, хотя и в заметно меньшей степени по сравнению с «зоной стабильности». Более того, большинство представителей этой группы не доверяют местным властям (53%), Государственной думе (54%), политическим партиям (64%), а также полиции и органам внутренних дел (51%). Остальное население разделяет подобную степень недоверия только по отношению к политическим партиям (58%). Таким образом, в целом критично настроенные, даже по отношению к наиболее легитимным институтам власти, представители «зон риска» при усугублении ситуации действительно способны стать точкой локализации социального напряжения и протестных настроений. Стоит отметить, что для «зоны риска» отношение к органам власти практически сложилось – на протяжении последних трёх лет оно достаточно постоянно. При этом для «зоны стабильности» произошли некоторые изменения: у её представителей выросло доверие региональным и местным властям (см. таблицу 4), что отчасти может быть связано со сменой персоналий на постах.

Таблица 4

**Уровень доверия россиян
к государственным и общественным институтам,
2015/2018 г., ФНИСЦ РАН, %¹**

	«Зона риска»		«Зона стабильности»		Остальное население	Население в целом
	2015	2018	2015	2018	2018	2018
Президенту России	65	64	85	83	67	69
Правительству России	39	37	66	58	36	39
Руководителю республики, губернатору области, края	26	32	26	55	36	39
Органам местного самоуправления	25	25	28	45	27	30
Государственной думе России	21	24	41	40	24	27
Совету Федерации	25	29	42	44	27	30
Политическим партиям	12	16	20	24	15	17
Полиции, органам внутренних дел	24	29	41	49	31	34

¹ В таблице представлены только ответы «доверяю», но также допускались ответы «не доверяю» и «затрудняюсь ответить».

Пока же обстановка относительно благополучна, т. к. по сравнению с 2015 г. оценка ситуации в стране в целом представителями «зоны риска», как и остальными группами населения, заметно улучшилась: доля тех, кто говорит о ней как о нормальной и спокойной, выросла с 12 до 25%, а как о катастрофической – снизилась с 19 до 8%¹, но доминирующей для них является оценка ситуации как напряжённой, кризисной (67% при 38 – для «зоны стабильности» и 51 – для остального населения). Региональная ситуация кажется представителям «зоны риска» более благополучной (43% оценили её как нормальную, спокойную), хотя доминируют (51%) всё же оценки её как кризисной. Эти настроения размываются только при оценке ситуации на уровне муниципальных образований, но и здесь у представителей «зоны риска» доля тех, кто позитивно на неё смотрит (49%), ниже, чем доля тех, кто отзывается о ней как о напряжённой или катастрофической (51% в совокупности).

Отмечая, в каких социальных группах происходит кристаллизация зон «риска» и «стабильности», стоит обозначить, что на этот процесс работает целый ряд факторов. На вероятность попадания в «зону риска» в первую очередь влияют доходы. Для тех, чьи семейные доходы не выше 0,75 медианы, вероятность составляет 17%. В то же время для тех, у кого доходы составляют от 1,25 до 2-х медиан, этот показатель равен лишь 9%, а для россиян с доходами, превышающими медианные в два раза и более, – уже только 3%. При этом в «зону стабильности» попадает треть (34%) населения с доходами свыше 2-х медиан и почти четверть (22%) с доходами в размере 1,25–2 медианы странового дохода на члена семьи (для менее доходных групп этот показатель составил 7–13%).

Логично, что в этих условиях наличие иждивенцев, особенно инвалидов 1 и 2-ой групп и неработающих пенсионеров, т. е. тех, кто потерял реальную трудоспособность не только в отношении позиций на рынке труда, но и в части домашней занятости, также увеличивает вероятность попадания в «зону риска» и повышенной социальной тревожности (см. таблицу 5).

Относительно высока вероятность попадания в «зону риска» у неработающих граждан (22%), и в первую очередь неработающих пенсионеров (29%). При этом для пенсионеров «зоны риска» чувство тревоги становится наиболее распространённым социально-психологическим состоянием, с ним живёт почти половина этой группы (32% для пенсионеров в целом и 20% для населения в целом). В 2015 г. тревожность была типовым (55%) состоянием представителей этой группы,

¹ Доля оценок «напряжённая, кризисная» практически не изменилась (69 и 67% соответственно).

однако за последние три года ситуация несколько улучшилась. Тем не менее, *локальное изменение ситуации пенсионеров из «зоны риска», в том числе в сферах смежных с финансовой (тарифы ЖКХ, рост цен на отдельные товары и т. д.), способно стать «спусковым крючком» для всплесков социальной активности в их среде. При этом наиболее тревожной, как было показано выше, видится ситуация с состоянием здоровья и доступностью медицинских услуг.*

Таблица 5

Влияние иждивенческой нагрузки на попадание в «зону риска» и «зону стабильности», 2018 г., ФНИСЦ РАН, %

Тип иждивенческой нагрузки	Зона риска	Зона стабильности	Остальное население
Безработные	11	8	81
Инвалиды 1 и 2 групп	17	11	72
Хронически больные с ограниченной трудоспособностью без инвалидности 1 и 2 групп	7	0	93
Неработающие пенсионеры	22	14	64
Неработающие студенты	7	21	72
Несовершеннолетние дети	11	15	74
Таких членов семьи нет	10	21	69

Для работающего населения повышенную вероятность оказаться в «зоне риска» имеют рабочие с низкой квалификацией (ниже 5 разряда) или её отсутствием (14% при 4–11% для остальных профессиональных групп). При этом ещё три года назад в зону риска активно попадали рядовые работники торговли или сферы бытовых услуг (16% при 4–13% для остальных). Таким образом, *в кризис под ударом в первую очередь оказывались те, кто был легко заменим на рынке труда* – для выполнения их работы не нужны профессиональные знания на уровне высшего образования, финансовые вложения (как, например, для «самозанятых» или предпринимателей), хорошая физическая форма, как для рабочих, и т. д. В 2015 г. можно было предположить¹, что в перспективе именно эта социальная группа станет в России ядром формирования так называемой «родовой рабочей силы» в терминологии М. Кастельса [Кастельс 2000]. Сейчас же, на волне дискуссий об автоматизации и информатизации производственных процессов, нужно добавить, что под ударом могут оказаться и неквалифицированные работники физического труда.

В число ключевых факторов, определяющих возможность попадания в «зону риска», также входит возраст. Молодёжь 18–30 лет чаще остальных попадает в состав пред-

¹ Мы писали об этом в [Российское общество... 2016].

ставителей «зоны стабильности» (20% при 14–17% для остальных возрастных групп), что зачастую обусловлено не столько положением её представителей, сколько ресурсами их родителей. Россияне старше 60 лет практически в трети случаев (27% при 9–12% для остальных возрастных групп) оказываются в «зоне риска», что связано не только с их материальным положением, но и с возрастом, т. к. состояние их здоровья и общее социально-психологическое самочувствие стимулируют пессимистические настроения.

Территориальная локализация возможного «социального беспокойства» сегодня наблюдается не столько в определённых типах населённых пунктов (разброс соответствующего показателя составляет 9–15%), сколько в тех или иных экономических районах и регионах¹. Так, заметно чаще россияне сталкивались с плохим материальным положением в Дальневосточном (64%), Северо-Кавказском (59%) и Восточно-Сибирском (45%) районах. В числе регионов, вошедших в выборку исследования с релевантным количеством респондентов, можно отметить Приморский край (64%), Ставропольский край и Республику Бурятия (по 59%), а также Ростовскую (47%), Тульскую (44%) и Челябинскую области (44%).

Стоит отметить, что ситуация с территориальными моделями реакции на социально-экономическую турбулентность носит достаточно сложный характер. «Зона риска» активно формируется в Дальневосточном экономическом районе (31% при 14% по стране) с одновременным сокращением «зоны стабильности» (7% при 16% по стране). В Уральском и Западно-Сибирском районах ситуация обратная (8 и 17% соответственно). В Волго-Вятском районе наблюдается некоторая поляризация населения, когда и «зона риска», и «зона стабильности» шире, чем в целом по стране. При этом в Северном районе происходит расширение промежуточной зоны (см. рис. 2) за счёт сокращения полюсов.

¹ Выборка использованного исследования охватила не все субъекты Федерации, однако репрезентативно представляет население территориально-экономических районов в целом (подробнее см.: [Общероссийский классификатор...]), а также Республику Крым. Численность выборки по районам: Северный – 144 человека, Северо-Западный – 258 человек, Центральный – 840, Волго-Вятский – 215, Центрально-Чернозёмный – 204, Поволжский – 497, Северо-Кавказский (включая Республику Крым) – 530, Уральский – 600, Западно-Сибирский – 250, Восточно-Сибирский – 282, Дальневосточный – 180 человек). Тем не менее, в некоторых случаях различия между регионами были настолько разительны, что не говорить о них просто нельзя. Ниже мы не затрагивали в анализе те регионы (как, например, республики Калмыкия и Дагестан), которые, при всей исключительной взрывоопасности ситуации в них, были представлены в выборке недостаточным для анализа числом респондентов, и говорили только о различиях, которые превосходили размер статистической погрешности. Для рассматриваемых же регионов размеры выборки позволяли делать статистически значимые выводы, например, для Свердловской области – 349 человек, Москвы – 295 человек, Омской области – 250 человек и т. д.

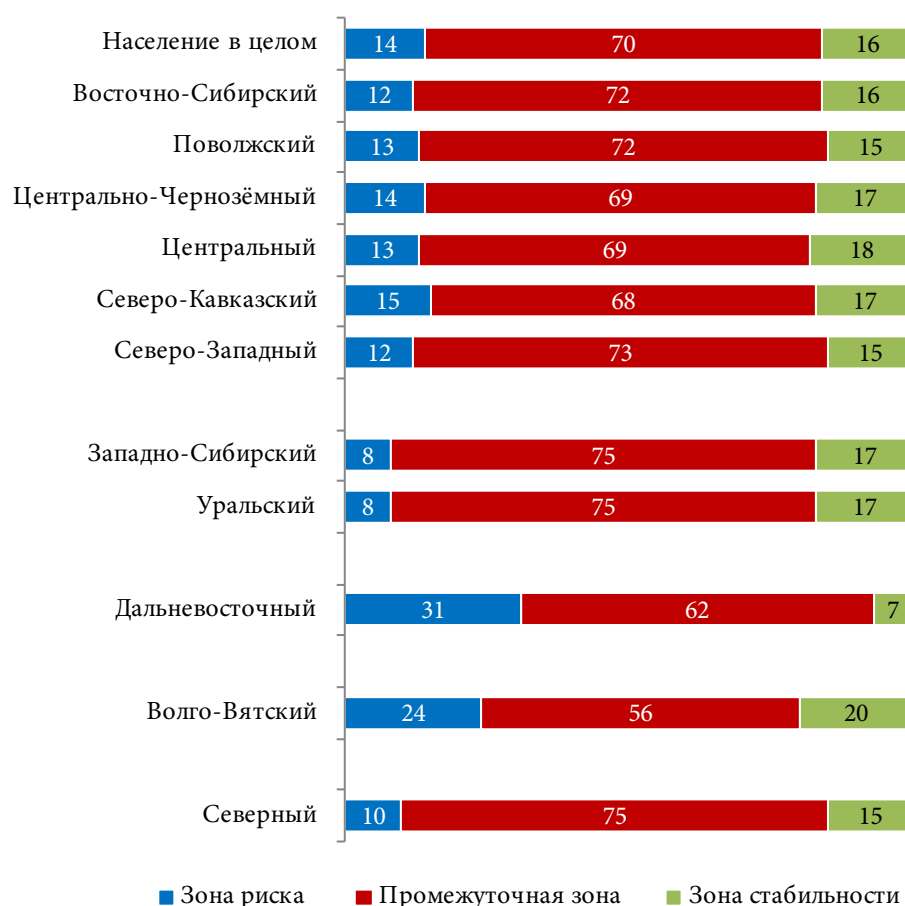

Рис. 2. Распределение зон «риска» и «стабильности» в различных территориально-экономических районах, 2018 г., ФНИСЦ РАН, %

Стоит отметить, что формирование «очагов беспокойства» в тех или иных экономических районах происходит на фоне различного отношения к государственным и общественным институтам, а также к изменениям в различных сферах жизни, происходящим в стране в последние пять лет. Так, в Дальневосточном районе, который в выборке представлен Приморским краем, россияне не просто попадают в «зону риска» практически в трети случаев, но, рассматривая происходящие вокруг изменения, дают им крайне настораживающую оценку. Здесь минимальна доля оценок ситуации как нормальной, спокойной в стране (25%), в регионе (31%), муниципальном образовании (36%). При этом доминирующие оценки обстановки в регионе и муниципалитете в массе своей позитивны, но Дальневосточный район (или Приморский край) в этом вопросе – ключевое исключение. Население этого района также демонстрирует самые негативные оценки изменений в различных сферах жизни, включая экономику в целом (53%), моральное состояние общества (53%), ситуацию с законностью (44%), возможностями зарабатывать (44%), социальной справедливостью (47%) и т. д. Более того, здесь отрицательная оценка динамики становится доминирующей. То, что Приморский край сильно пострадал от кризиса 2013–14 гг., отмечалось и на данных третьей волны

мониторинга ФНИСЦ РАН. В 2015 г. жители края также чаще остальных россиян отмечали негативную динамику в социальной и экономической сферах жизни [Лежнина 2016]. В этих условиях о собственном эмоциональном состоянии как о приподнятом или хотя бы спокойном, уравновешенном говорят только 23%, хотя для населения в целом соответствующий показатель стремится к двум третям (60%), а 7% испытывают раздражённость, озлобленность или даже агрессивность. Это единственный экономический район выборки, для населения которого самые распространённые эмоции – не спокойствие и уравновешенность, а тревожность (47%). Оценки эмоционального состояния окружающих при этом практически такие же (25% ощущают спокойствие, 12% – раздражённость, озлобленность или агрессию и 48% тревожность).

В этих условиях население Дальневосточного района (Приморского края) демонстрирует самые высокие по стране показатели доверия государственным и общественным институтам РФ: президенту (73%), правительству (54%), региональным (46%) и местным (42%) властям, а также Государственной думе (47%), Совету Федерации (59%). Даже полиция в большинстве случаев (57%) вызывает доверие населения. Стоит отметить, что ещё в 2015 г. губернатору Приморья доверяли только 24%, а органам местного самоуправления – 9% населения (для населения в целом 43 и 29% соответственно доверяли региональным и местным властям). Однако за прошедший с тех пор период в регионе сменился глава¹, и новые власти получили некоторый «кредит доверия», который, с одной стороны, сдерживает протестные настроения, но с другой – стимулирует возложение ответственности за неудачно сложившуюся ситуацию, в том числе в регионе и муниципалитете, именно на органы власти.

Вторым нетиповым экономическим районом можно назвать Волго-Вятский (представлен в выборке Нижегородской областью), в котором происходит поляризация населения, что само по себе способно обострять беспокойство как органов власти, так и общества. Оценка ситуации в стране, регионе или муниципалитете при этом не вызывает опасений, оценка на местах входит в число наиболее позитивных (69% оценивают её как спокойную, нормальную при 61% по стране в целом). Однако изменения ситуации в различных сферах жизни, включая экономику страны в целом (44%), моральное состояние общества (47%), социальную справедливость (40%) за последние пять лет чаще воспринимаются жителями этого района (по сравнению с россиянами в целом) как ухудшение. На этом фоне показатели доверия к государственным институтам в Волго-Вятском районе в разы ниже общероссийских: правительству доверяют треть респондентов (34%), региональным и мест-

¹ В октябре 2017 г. В. В. Миклушевского сменил А. В. Тарасенко.

ным властям, полиции – около четверти (27, 23 и 27% населения в целом доверяли соответственно правительству, региональным и местным властям и полиции), Государственной думе и Совету Федерации (8 и 15%). При этом доверие региональным властям, смена которых произошла осенью 2017 г., минимально именно в этом районе. Психологическое состояние населения отличается максимальной для выборки долей тех, кто испытывают чувства раздражённости, озлобленности и агрессии (14%). Эта характеристика сохраняется и при оценке состояния окружающих (23%, один из самых высоких показателей).

В наиболее благополучных районах, «зона стабильности» которых относительно расширена, ситуация также неоднозначна. Так, например, оценка динамики в различных сферах жизни у жителей Западно-Сибирского района (а он представлен в выборке Омской областью) более негативна, чем у россиян в целом. Они чаще говорят об ухудшении возможностей зарабатывать (47%), ситуации с социальной справедливостью (40%), законностью (30%) и даже моральным состоянием общества (50%). При этом Уральский район, в котором фиксируется та же «модель» формирования «зоны риска» и «зоны благополучия», демонстрирует более оптимистичную, даже по сравнению со страной в целом, картину: соответствующие показатели для него составили 33% (ухудшение возможностей зарабатывать), 30% (ухудшение ситуации с социальной справедливостью), 21% (ухудшение ситуации с законностью) и 35% (ухудшение морального состояния общества) соответственно. Однако ещё в 2015 г. Омская область была самым неблагополучным регионом с максимальной (34% при 15% для населения в целом) «зоной риска» и минимальной (4% при 12% для населения в целом) «зоной стабильности». Поэтому ситуация в Западно-Сибирском территориально-экономическом районе, в отличие от Уральского, вызывает тревогу. Несмотря на расширенную «зону стабильности», ситуацию здесь как спокойную, нормальную оценивают менее половины его населения (49%), а 17% (при 6% по стране в целом) говорят о ней как о катастрофической. Локальной обстановке такую оценку жители этого района также дают заметно чаще (16% при 7% по стране). Доверие общественным и государственным институтам у населения относительно низко. Доля доверяющих региональному руководству (35%), органам местного самоуправления (23%), Государственной думе (18%), Совету Федерации (18%) и даже полиции (22%) меньше среднероссийских показателей. При этом доверие президенту выражается в этом районе в минимальной степени (55%), а правительству его жители в отличие от всей остальной страны скорее не доверяют (51%), чем доверяют.

Однако такая ситуация не создаёт аномальной нервозности в районе. Его население в 70% случаев описывает своё эмоциональное состояние как спокойствие и даже приподня-

тость, а о негативных эмоциях говорят только 6%. При оценке состояния окружающего в повседневности населения эти показатели составляют 59 и 10% соответственно.

Если говорить об отдельных субъектах РФ, то стоит также отметить, что «зона риска» заметно превышает «зону стабильности» в таких регионах, как Приморский край (разница в 4,4 раза), Тульская (2) и Ульяновская (1,7) области, Ставропольский край (1,7 раза). При этом в Приморском крае и Тульской области «зона риска» шире среднероссийской более чем в 2 раза. Нижегородская и Ростовская области являются примерами «поляризующихся» регионов, а, например, Ярославская область и Санкт-Петербург – регионов, расширяющих «промежуточную» зону.

Рис. 3. Распределение зон «риска» и «стабильности» в отдельных регионах, 2018 г., ФНИСЦ РАН, %

Москва традиционно является наиболее благополучной точкой. Она не стала исключением и в вопросе формирования зон «риска» и «стабильности», которые демонстрируют в ней свои минимальный и максимальный показатели по выборке соответственно. Общая обстановка в Москве достаточно позитивна. Москвичи чаще населения страны в целом оценивают изменения во всех сферах жизни как улучшение, а для таких позиций, как «состояние экономики страны в целом», «моральное состояние общества», «законность и правопорядок», «возможность зарабатывать» положительные оценки превышают отрицательные, в отличие от остального населения.

Уровень доверия органам власти соответствует общероссийскому: отклонения не превышают 5 п. п. При этом в низшую сторону отличается уровень доверия президенту (65%), местным властям (27%) и полиции (30%). На этом фоне оценка собственного социально-психологического состояния москвичей более позитивна, чем у россиян в целом. Как «эмоциональную приподнятость» её оценивают 21% (13% по стране в целом), хотя и такие оценки, как «раздражённость», «озлобленность» и «агрессивность» встречаются несколько чаще (11% среди москвичей и 7% среди населения в целом).

В итоге стоит отметить, что для населения страны окончание социально-экономического кризиса 2014–15 гг. не стало точкой позитивного отката в зону большей благополучности. Россияне, несмотря на видимое улучшение оценок общей ситуации, продолжают испытывать экономические лишения. Более того, последние годы истощили не только финансовые, но и жизненные ресурсы населения, к материальным проблемам добавились депривации, связанные со здоровьем и сферой здравоохранения. Соответственно, негативные сдвиги именно в этой отрасли могут стать мощным триггером социальных волнений, особенно в среде пожилого населения, в котором обе основные проблемы (низкий уровень жизни и здоровье) особенно обострены.

Сложившиеся сегодня практики населения по изменению своего материального положения, как и в кризисный период, по большому счёту, не связаны с интенсификацией усилий в рамках долгосрочных стратегий по улучшению своего положения, а носят ситуационный характер. Соответственно, виды этих реакций типичны для российского общества: использование социальных сетей, обращение к практикам самообеспечения, подработка.

Даже спустя несколько лет после кризиса, справиться с собственными проблемами не видят возможности 20% россиян. В первую очередь к ним относятся те, кто отличаются нестабильным положением на рынке труда и легко заменимы как другими работниками, так и автоматизацией производственных процессов. Более того, для них эта ситуация создаёт дополнительное социально-психологическое напряжение. Такое удвоение проблем способствует формированию «зон риска» для социальной стабильности. В 2018 г. соответствующая социальная группа составила 13% и была несколько меньше обратного полюса – «зоны стабильности» (17%). Однако динамика численности обеих групп с 2015 г., хотя и позитивна, но отличается очень умеренными масштабами, позволяет говорить о том, что происходит стабилизация «зоны риска», и её представителям даже в посткризисный период сложно из неё выбраться. Общее положение данной группы отягощается негативными оценками происходящих в стране изменений, в том числе в социальной сфере, а также пониженным уровнем доверия органам власти. Эти особенности превращает «зону риска» в потенциальный очаг социальных волнений.

Территориальные модели формирования зон «риска» и «стабильности» носят дифференцированный характер, включая поляризацию этих групп, интенсификацию формирования полюсов и др. Особенно тревожной видится ситуация в Нижегородской области и Приморском крае.

Библиографический список

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.

Лежнина Ю. П. 2016. Социально-экономический кризис на пространстве России: проблемы населения и «очаги беспокойства» // Социологические исследования. № 10. С. 54–65.

Общероссийский классификатор экономических регионов ОК 024-95 (Утверждён постановлением Госстандарта РФ от 27 декабря 1995 г., с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/179107/#friends> [Дата посещения: 25.05.2016].

Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после. Аналитические доклады РНИСиНП. М.: РОССПЭН, 1998. 264 с.

Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009. 272 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016. 424 с.

Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад 2014 // Официальный сайт ФНИСЦ РАН. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10 лет_spustya.html [Дата посещения: 14.08.2018].

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.538

The Scope of Russian People's Problems and Risks for Social Stability

Yulia Pavlovna Lezhnina

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics, Senior Research Fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: jlezhnina@hse.ru

Abstract. Based on data from representative all-Russian monitoring studies conducted during the years 2014–2018 by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences¹, an analysis is presented of the main issues faced by the population of Russia, as well as their dynamics. It is revealed that during the post-crisis period there are no positive shifts occurring in terms of the population's financial situation. These financial troubles are accompanied by a deficit of health and healthcare. Russians have already worked out practices aimed at improving their financial status, even if they do not bear a long-term focus, while issues such as health and health protection are very much at hand, and are something just only being recognized by the people. It is shown that, in such a context, certain "areas of risk" for social stability are emerging, which are caused by separate groups of the Russian people being unable to adequately respond to challenges posed by various aspects of the Russian crisis, as well as the fact that many local institutional issues have not been resolved. They are constituted by a situation characterized by poor financial status and socio-psychological tension. Meanwhile, in the years after the crisis, a stabilizing of "areas of risk" is being observed, and, as a result, those involved require ever more significant support from the state. The solidification of "areas of risk" is due to the structural positions of unskilled workers – those who are easily replaceable either by other employees, or by production automation. This eventually allows for considering these specific categories to be the basis for developing the structural positions of the "generic workforce" (Castells, 2000) in Russia. Territorial models for the development of "areas of risk" and "areas of stability" (which would include Russians who are not enduring any sort of financial troubles, and who are in no need for improving their financial situation in any way), them being opposites, bear a differentiated nature, which implies dividing the population into the two aforementioned groups, as well as an intensely developing polarity, the emergence of an "intermediate area", etc. The situation is especially disturbing in Nizhniy Novgorod Oblast and Primorsky Krai.

Keywords: social tension, social problems, social policy, spatial heterogeneity, standard of living.

References

Castells M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Era: Economy, Society and Culture]. Moscow, SU HSE publ., 2000. 608 p. (in Russ.).

Lezhnina J. P. Sotsial'no-ekonomicheskiy krizis na prostranstve Rossii: problemy naseleniya i «ochagi bespokoystva» [Socio-economic crisis in the space of Russia: problems of the population and "hotbeds of anxiety"]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2016, no 10, pp. 54–65 (in Russ.).

Obshcherossiyskiy klassifikator ekonomicheskikh regionov OK 024-95 [All-Russian Classifier of Economic Regions] (utverzhden postanovleniem Gosstandarta RF ot 27.12.1995). The Garant Law web portal. URL: <http://base.garant.ru/179107/#friends> [date of visit: 25.05.2016] (in Russ.).

Osenniy krizis 1998 goda: rossiyskoe obshchestvo do i posle [Autumn crisis of 1998: Russian society before and after]. Analiticheskie doklady RNISiNP. Moscow, ROSSPEN, 1998. 264 p. (in Russ.).

Rossiyskaya povsednevnost' v usloviyakh krizisa [Russian daily life in a crisis]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow, Al'fa-M, 2009. 272 p. (in Russ.).

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. [Russian society and the challenges of time]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov. Vol. 1. Moscow, Ves' Mir, 2015. 336 p. (in Russ.).

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. [Russian society and the challenges of time]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov. Vol. 3. Moscow, Ves' Mir, 2016. 424 p. (in Russ.).

Sredniy klass v sovremennoy Rossii: 10 let spustia. Analiticheskiy doklad 2014 [The middle class in modern Russia: 10 years]. FCTAS RAS Official website. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10 лет_spustya.html [date of visit: 14.10.2018] (in Russ.).

¹ The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 14-28-00218) at Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.